

Д. И. Сазонов

Протоиерей, кандидат богословия, доктор философских наук,
профессор Российской академии естествознания

«Новый курс» церковной политики государства и состояние церковных общин в послевоенное время в Ярославской, Костромской и Ивановских в послевоенное время. Анализ, положение, выводы

Послевоенное время отмечено в историографии как «время возрождения Церкви». Однако, анализ реальной ситуации, в том числе ситуации с религиозностью населения, показывает картину, отличную от принятой трактовки. Епархиальные структуры и некоторые приходские общины трех областей Верхнего Поволжья, только после Поместного собора 1945 года получили возможность восстановить свою деятельность после разгрома в 1930-е годы. Наряду с осторожными оценками обозначенного временного периода следует отметить, что заложенная в послевоенные годы организация религиозной жизни помогла выстоять Русской Церкви в 1960-е годы «хрущевских гонений», и прийти к религиозному возрождению 1990-х с положительными результатами.

Выводом исследования данного периода следует признать позитивный характер наступивших изменений, учитывая вневременный характер Христовой Церкви.

Ключевые слова: возрождение, гонения, Церковь, община, епархия, организация, священнослужители.

Послевоенное время отмечено в историографии «временем возрождения Церкви», а характер государственно-церковных отношений определен как «новый курс». Однако, анализ реальной ситуации, в том числе, анализ состояния с кадрами священнослужителей, уровня религиозности населения, отличается от официально принятой трактовки. Жизнь и деятельность церковных общин трех областей Верхнего Поволжья, наглядно показывают, что говорить можно только о постепенной реконструкции и организации религиозной жизни в СССР в послевоенные годы, далекой от понимания термина «возрождение». Последующее свертывание благожелательного курса государственной политики в отношении к Церкви в конце 1940-х годов наглядно показывает временный, ситуативный характер послевоенной «церковной весны».

Наряду с осторожными оценками ситуации, следует отметить, что только после изменения государственно-церковных отношений в 1943 году стало возможным восстановление канонических церковных структур в таких епархиях как Костромская и Ивановская, что не может не быть признано позитивным явлением.

Для рассмотрения вопроса, анализа и оценки сложившейся ситуации следует остановиться как на общем характере церковных дел, кадровом вопросе, состоянием религиозности населения, а также, состоянием церковных общин на местах.

В современной историографии процесс открытия храмов и возвращения священнослужителей к своей деятельности начался сразу после 1943 года, После Поместного Собора 1945 года до 1948 года он ускорился. На Соборе был принят основополагающий документ, определявший орга-

низацию, в том числе, приходской жизни – «Положение об управлении Русской Православной Церкви», принятое 31 января 1945 года. В нем были прописаны права настоятеля и объединившихся вокруг него мирян. Эти полномочия давали священнослужителям власть руководить приходом, в чем, отметим, «Положение» вступало в противоречие с гражданским законодательством о культурах, действующим с 1929 года.

Для определения оценки и реализации на местах принятого «Положения», следует обратиться к анализу ситуации, в которой оказались к обозначенному времени как организационные структуры Русской Православной Церкви, так и верующие люди. На основании фактов будет дана возможность определиться – речь идет о «новом курсе», возрождении Церкви, либо о восстановлении (частичном) ее структур и религиозной жизни.

Критикуя закрепившуюся в историографии положительную оценку послевоенного периода состояния Русской Церкви и термин «возрождение Церкви», священник Георгий Эдельштейн, сравнивая количество открытия храмов на территории оккупированной немцами, с количеством открытых храмов на территории СССР, резюмирует данные, и констатирует ненадлежащее использование термина «возрождение». Применение восторженной оценки по отношению к послевоенному периоду жизни Русской Православной Церкви, и оптимистичных перспектив, по мнению о. Георгия, искажает реальную жизнь Церкви в 1943-1948 годы. Он указывает, что в СССР не могло быть церковного возрождения в связи с кардинальными, идейными противоречиями государства, во главе которого стояли большевики, провозглашавшего своей идейной платформой атеизм и материализм, и Церкви, критерием которой является вера в Бога.

Событием, могущим дать импульс к подлинному возрождению Церкви он называет не договоренности 1943 года, а Поместный Собор 1917-1918 гг., решения которого могли в корне изменить и возродить жизнь Российской Православной Церкви[27, с. 190].

Подтверждая мнение свящ. Г. Эдельштейна, следует сказать, что о невозможности возрождения Церкви в условиях СССР писали как соловецкие исповедники, так и сами представители партийно-государственного аппарата. Высказывание курировавшего в послевоенное время религиозные вопросы в Совете министров СССР К. Е. Ворошилова, сравнивавшего церковную политику власти с клапаном, который Совет по делам РПЦ должен «то открывать, то закрывать, исходя из конкретных условий места, времени и обстоятельств» ярко свидетельствуют о характере политики власти по отношению к Церкви. Последующие, в 1950-е годы события, и не оставляет сомнений в искренности этих слов, отображающих реальный взгляд власти на Церковь[5, 98].

Отмечая положительный фон послевоенной жизни Церкви, заметим, что, как отмечает д-р ист. наук А. Федотов, была существенная разница между отношением правительства к руководству Патриархии, и местных органов власти к приходским общинам. Подтверждая неизменный характер отношения власти к Церкви он пишет: «Советское государство и идейно и законодательно продолжало базироваться на активной атеистической идеологии, что создавало благоприятные условия для новых гонений на Церковь»[21, с.83]. О каком «новом курсе», возрождении, могла идти речь, если на 1 октября 1949 года количество священнослужителей в местах заключения составляло 3523 человека[23, с.465].

Отметим, что нельзя не сказать о положительных достижениях послевоенного времени государственно-церковных отношений, помня, что из действовавших в стране в 1931 г. 24 тыс. религиозных общин, к 1940 г. осталось менее 2 тысяч[6, с.58-59]. В УССР к 1939 г. осталось 3% от дореволюционного количества действующих храмов. В 1940 году в Иванове был закрыт последний храм — Преображенский собор, в нем была устроена конюшня. Возобновление богослужений в нем стало возможным лишь в 1944 году. Воскресенская на Дебре церковь Костромы была открыта только в 1946 году. С начала 1930-х годов в ней находились зернохранилище и военный склад.

Напомним, что из числа высшего духовенства к 1941 году на кафедрах оставалось всего четыре архиерея. В 1945 году их было уже 41, в 1946 – 62[26, с.398].

Однако, также отметим, что начавшийся в 1943 году процесс открытия храмов по просьбам верующих не был всеобъемлющим и безоговорочным. По данным статистики Совета оп делам Русской Православной Церкви за 1944-1947 гг. в Совет по делам РПЦ было подано 20689 коллективных заявлений об открытии 5998 церквей, из них были открыты 1270. Большая часть ходатайств не были рассмотрены вообще[26, с.336]. В 1946 году была открыта Троице-Сергиева лавра. Но, на территории Центральной России это был единственный возрожденный монастырь. Остальные так и не были открыты. Возрожденные крестные ходы, паломничества к святым местам, также имели временный характер. В 1950-е годы постановлениями центральных и местных властей они были запрещены.

В послевоенные годы, особенно после 1948 года, процесс удовлетворения ходатайств об открытии храмов был не только заметно приостановлен указаниями органов власти - действующие на тот момент церкви закрывались по различным причинам. Только за 1949 год в РСФСР было закрыто около 600 храмов[21, с.64]. Открытая в начале 1943 года Успенская церковь в с. Качалово Костромского р-на по решению Костромского облисполкома была закрыта. В 1951 г. здание церкви передали колхозу им. В.М. Молотова под зерносклад[13, с.35-36]. В 1949 году была закрыта Иоанно-Богословская церковь в Костроме. Ее закрытию предшествовали раздоры, склоки в приходской общине, сопровождавшиеся частой сменой священников, снятием их с регистрации уполномоченным по делам РПЦ[9, с.11, 12, 22]. Однако, не только выше озвученные факторы сыграли свою роль в закрытии храма. Мотивировка закрытия церкви была следующей: нет необходимости в таком количестве храмов в Костроме (их было 5). На основании рассмотренных архивных документов становится ясным, что закрытие церкви явилось не столько своеволием уполномоченного по делам РПЦ, даже не столько следствием конфлик-

тов внутри общины, сколько следствием антирелигиозной компании 1949-1950 гг. спровоцированной проектами постановлений ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды» и «О мерах по усилению пропаганды научно-атеистических знаний». Обращения и ходатайства приходской общины о незаконности и предвзятости требований исполкома в решении о закрытии храма председателю Верховного совета СССР Н.М. Швернику и к Председателю Совета министров тов. И. В. Сталину остались безрезультатными[7, с.14,18].

На основании данных закрытия храмов укажем на постоянный характер политики властей по отношению к церковным организациям, в котором не видно кардинального изменения. По данным статистики, приведенной в отчете костромского уполномоченного по делам религий на 1980 год, в Костромской области из наличествующих 348 недействующих типовых церковных зданий (из них 320 каменных и 28 деревянных). До 1941 года было закрыто 306 церквей, за период 1941-1960 гг. было закрыто 38, с 1960 по 1980 гг. закрыто 4 храма[8, с. 4]. В областях Верхнего Поволжья, куда входят три означенные области, количество открытых храмов за 1945-1947 гг. увеличилось на 110 единиц, но уже за 1948-1954 гг. уменьшилось на 30[17, с.21]. На основании приведенных данных видно, что благоприятствующая политика власти по отношению к Церкви имела временный характер.

Мнение священника Г. Эдельштейна о несоответствии реальности формулировок определяющих государственно-церковные отношения как «новый курс» и «послевоенное возрождение Церкви» подтверждает ивановский исследователь А. Федотов, который указывает, что в относительно благополучном 1947 году количество действующих церквей составляло лишь 5,4% от числа действующих храмов в предреволюционные годы[21, с.82]. Ссылаясь на доступные данные, А. Федотов также пишет, что в условиях тотального государственного атеизма невозможно было ожидать возрождения религиозности[21, с.82]. По мнению д-ра ист. наук Т. Чумаченко, в СССР сформировалось

общество индифферентное к религии, судьбе Церкви и верующих[25, с.83]. Сопоставляя данные статистики количества храмов и верующих до 1917 года с послевоенным периодом, развенчивается также миф о массово возросшей религиозности населения в годы Великой Отечественной войны[16]. По данным Российской политической энциклопедии, в конце 1940-х годов примерно 60-70% верующих, подписавших заявления об открытии церквей, были по преимуществу женщины, имеющие возраст 50 и больше лет[19, с.646]. Количество религиозного населения, по данным той же статистики в военные годы не превышало 50%[12, с.24]. Приведем пример: из 190 367 писем, обработанных военной цензурой особого отдела НКВД Сталинградского фронта с 15 по 31 июля 1942 г., отрицательные высказывания фронтовиков, трактуемые как «антисоветские настроения» были отмечены в 2600, в том числе из них только в 19-ть можно было отнести к религиозным[20, с.161].

Наряду с выводами не располагающими к восторженным оценкам послевоенного периода церковной жизни, укажем, что положительная оценка рассматриваемого времени не будет лишена смысла, если вспомнить, что после 1937 года, лишь в 1946 году, после 9-летнего перерыва в Костромскую епархию был назначен правящий архиерей – епископ Антоний (Кротевич). Девять лет епархиальные структуры в Костроме отсутствовали. Обязанность управления, в том числе всей бывшей Костромской епархией в 1946 была возложена на секретаря Ярославской епархии протоиерея А.Флоренского, который, при имеющихся обстоятельствах не мог организовать церковное дело и надлежащем качестве [18, с.154]. Тем более, что ему священноначалием было временно доверено, ввиду заграничной командировки архиепископа ярославского Алексия (Сергеева), управление Костромской и Ярославской епархиями[4, с.34]. Таким же образом велось управление Ивановской епархией, где при временном управлении епископа Онисима (Фестинатова) епархией фактически управлял протоиерей Павел Миловидов. После ревизии деятельности архиепископа Алексия (Сергеева) на Ярославской епархии, 13 января 1947 го-

да он был назначен на Курскую кафедру, с предупреждением, о ненадлежащем исполнении им своих обязанностей[10, с.114-118].

Отметим что Наряду с приходами, подчиняющимися митрополиту Сергию, в Костроме до 1943 года существовала обновленческая епархия. В Ярославской и Костромской епархии, в Кинешемском районе Ивановской епархии в середине 1940-х годов было еще представлено иосифлянское движение и движение непоминающих[24, с.18-28]. Следует отметить, что после расформирования Ивановской промышленной области в 1936 (Ярославская и Ивановская) и 1944 гг. (Костромская и Владимирская), Костромская область была определена в своих границах только в 1944 году. Исходя из данных обстоятельств следует сделать вывод, что административное разделение ИПО дало повод и возможность к восстановлению епархиальных структур на образованных территориальных административных единицах.

Таким же образом, как в Костромской, дело церковного возрождения обстояло и в Ивановской епархии, которая с 1938 по 1946 гг. была вдовствующей и ей временно управляли то ярославские, то владимирские архиереи. Качество кадров как епископов, так и священников желало быть лучшим. Все архиереи трех епархий прошли через обновленчество, судебные преследования, лагеря, были из прежде женатых протоиереев. Например, епископ Костромской Антоний (Кротевич), епископ Ивановский Кирилл (Поспелов), который после выхода из лагеря в 1943 году, работал конюхом, ввиду запрета на священническую деятельность. Лишь когда 23 марта 1944 года, по решению Священного Синода была образована Пензенская и Саратовская епархия (на территории Пензенской области и Мордовской АССР), ее управляющим, с последующими постригом и хиротонией во епископа был назначен «протоиерей Саратовской епархии» Леонид Поспелов. 29 марта 1944 года он был пострижен в монашество, а уже 1 апреля в Елоховском Богоявленском соборе рукоположен в епископа Пензенского и Саранского. К времени его прибытия в епархию в ней было только две

действующие церкви — в Пензе и в Кузнецке, храм в Саранске по ходатайствам верующих ожидал своего открытия. Лишенный до его прибытия надзора клир и церковные советы согласно распоряжению архиепископа вынуждены были дать отчет о состоянии дел. Произошел конфликт, который окончился его переводом в июле 1944 года на Ташкентскую кафедру, где еще были прочны позиции обновленцев. В 1947 году был отправлен на Ивановскую кафедру.

Его преемник, епископ Ивановский Михаил (Постников), имевший в обновленчестве сан митрополита, пришедший через покаяние в 1943 году в Московскую Патриархию, пробывший в Ивановской епархии 5 месяцев, в 1947 году был приговорен к тюремному заключению за антисоветскую деятельность ст.58–10 ч.1,121 УК РСФСР сроком на 5 лет с конфискацией имущества[21, с.114].

Основной костяк верующего населения СССР после войны составляли люди «просто верующие», не проявлявшие в продолжении многих лет церковной активности в силу обстоятельства закрытых храмов и отсутствия пастырского слова и попечения. Многие были комсомольцами 1920-х годов, их представления о вере были в рамках ретранслируемых старшими поколениями. Были и те, кто не посещали открыто храмы, сохраняли лишь внутреннюю связь с религией, вели жизнь обычных советских граждан. «Их было миллионы, - писал в эмиграции протоиерей Д. Константинов, - и именно они явились той основной массой церковного народа, на плечи которого легло восстановление, ремонт и постройка вновь открытых церквей»[14, с.40]. У многих неопределившихся в своих убеждениях людей наблюдалось сочувствие к Церкви и верующим.

В 1946 году, в своем докладе, посланном на имя Патриарха Алексия епископ Костромской и Галицкий Антоний (Кротович) описывает неприглядную картину состояния приходов и духовенства. Пишет о «дефективном» характере местных священнослужителей, большая половина которых — была либо малообразована, либо вообще была без духовного образования. Многие из них были весьма преклонного возраста.

Ввиду отсутствия авторитета среди населения имеющиеся священнослужители в большей степени находились под влиянием монахинь, возглавивших финансово-хозяйственную жизнь на приходах. Такое положение сложилось в церковной жизни Костромской епархии в связи с лихолетьем 1920-1930-х годов. В результате репрессий против духовенства многие достойные священники, составлявшие ее дореволюционный кадровый состав либо уже погибли в лагерях, либо умерли по старости. Дефицит кадров священнослужителей стоял остро. В связи с отсутствием священников на приходах их фактически «замещали» монахини из закрытых в 1920 – е годы монастырей, либо во главе приходов стояли малообразованные и малокультурные люди из мирян — старосты и поддерживающие их небольшая горстка людей, считающихся активом прихода. До начала 2000-х годов в областях Верхнего Поволжья встречались люди крещенные монахинями. Многие из приходских монахинь были адептами иосифлянского движения «духовных сестриц», руководимых бывшими насельницами разоренных монастырей[18, с.19-27]. Удаленность районов области от центра способствовали распространению этого ненормального в каноническом понимании явления приходской жизни послевоенного времени. С ним пришлось бороться епископу Антонию. «Они во многих приходах являются старостами, певицами и уборщицами; - писал епископ, - имеют тесную связь с верующими и окормляют их своим духовным руководством часто гораздо больше своих настоятелей»[1, с.32]. Влияние монахинь на приходе выражалось не только в том, что власть и финансы во многих случаях были сосредоточены в их руках. Войдя во вкус власти на приходе, они не признавали появившуюся в 1946 году власть епископа. Вообще не признавали никакую власть, даже государственную. Приведем пример. В докладе протоиерея А. Флоренского Святейшему Патриарху Алексию говорится, что руководители общины — миряне не хотят выполнять решение Поместного собора 1945 года о руководстве приходской общины священником-настоятелем. «Из рапорта о настоятеля Николаевской церкви с.

Трестина Костромского р-на о.Петра Доброва видно, что община вообще не хочет заниматься церковно-приходской жизнью, - пишет он, - игнорирует всякое положение и узаконение и ставит настоятеля церкви в такое положение, из которого выход один – оставить приход, как бесхозный»[2]. Некоторые приходские советы сами выбирали себе духовников, по наставлениям которых управлялся приход. Например, одним из таких наставников был архиепископ Рязанский и Касимовский Николай (Чуфаровский), служивший в 1942-1943 гг. в Воскресенской церкви в г. Буй[15, с.216-217]. Были случаи, когда на приходах в качестве священников были самозванцы – гастролеры, совершавшие церковные обряды и переходившие из деревни в деревню. О некоторых монахах епархиальное начальство не могло собрать достоверных сведений. Благочинным они не подчинялись. Богослужения в ряде случаев совершались небрежно, часто одним священником, без помощи псаломщика и хора. Совершалась Литургия без уставных часов и Всенощного бдения. В церквях отсутствовали опись церковного имущества и инвентарная опись. У священников отсутствовали указы о назначении их правящим архиереем, послужные списки. Наличествовали факты хищения священниками и монахинями церковных средств. Люди, которые в 1946 году не представляли, что такое элементарная осторожность – среди приходских книг находилась литература монархического содержания.

Прибыв в 1946 году на Костромскую кафедру епископ Антоний, как другие архиереи Верхнего Поволжья, в первую очередь организовал жизнеспособную церковную структуру – епархию, боролся за церковную дисциплину, наладил делопроизводственный оборот документов, добился у властей разрешения на открытие и ремонт некоторых храмов. Его деятельность была направлена на возможное созидание и организацию жизнеспособности церковных структур в условиях антирелигиозной политики социалистического государства. Одной из задач прибывшего на самостоятельную епархию архиерея было восстановление нормальной епархиальной жизни, легализация растерявшихся в своей церковной ориента-

ции общин верующих. Пришлось ему преодолевать влияние ярославского центра, к которому апеллировали привыкшие к удаленной власти руководители приходов (священники, монахини, миряне), финансовую зависимость от него[3, с.4,5,6]. Открывшиеся по ходатайствам верующих храмы передавались в руинированном состоянии. За счет верующего народа они восстанавливались и благоукрашались.

Благодаря создавшейся в 1940-х годах обстановке, усилиям верующих людей, количество храмов и священнослужителей в епархиях возрастало. В 1946 г. в Ивановской епархии было 60 храмов, в 1948 году – 74, в Ярославской епархии в 1946 году было 148 приходов, к 1948 году – 149[12, 24,76].

В Костромской епархии (которую возглавлял епископ Антоний) за период с 1946 по 1948 гг. было открыто 5 церквей. Но, как уже говорилось выше, уже в последующие 5 лет, с 1948 по 1953 гг., было закрыто 17 храмов[8, с.4]. В сложных условиях религиозной несвободы и конфликтов с властью и церковным активом пришлось жить и трудиться послевоенным архиереям постепенно приводя состояние епархиальных дел в надлежащее состояние..

Говорить о возрождении приходской жизни в послевоенное время можно лишь с оговоркой – приходы жили согласно религиозному законодательству 1929 года. Принятое на Поместном Соборе 31 января 1945 года «Положение об управлении Русской Православной Церкви», в п. 35 которого говорилось о руководстве приходской общины настоятелем, входило в противоречие с гражданским законодательством о культурах. О развитии приходской жизни, как ее понимали в интерпретации принятых на Поместном Соборе 1917-1918 гг. положений, в послевоенный период говорить не приходилось. Возникшие в конце 1943-1944 гг. предпосылки изменения государственного законодательства в отношении Церкви так и не были осуществлены[11, с.2].

Время, отпущенное на потепление государственно-церковных отношений постепенно сходило в привычную колею идеологической борьбы: в конце 1940-х гг. увеличены были налоги с духовенства, постепенно на местных уровнях прекращалось

совершение треб вне стен храма, были отменены крестные ходы, кроме Пасхального, запрещалось обслуживание священником несколько приходов, возобновился призыв на воинскую службу учащихся духовных Семинарий и Академий не имеющих священного сана. 7 июля 1954 года вышло знаменитое постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения. Оно фактически нивелировало прежние достигнутые в 1943 году договоренности.

Однако, из положительных достижений следует отметить постепенное решение руководством Церкви кадровой проблемы, организацию епархиальных и приходских структур, духовного образования, восстановление дисциплины, постепенное увеличение количества епархий и храмов, возвращение репрессированного духовенства, организацию приходской жизни, укрепление финансово-хозяйственной базы.

На основании изложенных фактов послевоенного устройства Ивановской Костромской и Ярославской епархий следует вывод, что послевоенный период дал Русской Церкви требуемую время для организации и укрепления, для организации и восстановления приходской жизни, которая позволила выстоять во время «хрущевских гонений» и «брежневского застоя», прийти к Поместному собору 1988 года более авторитетной, сплоченной, крепкой, нежели она была в послевоенные годы.

Библиографический список:

1. Архив Костромского Епархиального управления АКЕУ. Дело №8. Переписка с Московской Патриархией с 1946 по 1953 год. Доклад в ХОЗу Православной Русской Церкви епископа Костромского и Галичского Антония.
2. Архив Ярославского Епархиального управления (далее - АЯЕУ). Доклад протоиерея А.Флоренского (временно было поручено управление Епархией Ярославской и Костромской ввиду заграничной командировки архиепископа Алексия (Сергеева). Ярославль, 29. 10. 1945 г. Машинопись.
3. АЯЕУ. Доклад Его Святейшеству, Святейшему Алексию, Патриарху Москов-

скому и всея Руси Ярославского и Ростовского Архиепископа Алексия о состоянии Ярославской и Костромской епархий. 1946 г., июля 5-го дня.

4. АЯЕУ. Его Святейшеству, Святейшему Алексию Патриарху Московскому и всея Руси Архиепископа Ярославского и Ростовского Алексия. Переписка Ярославского епархиального управления с Патриархией 1945-1950 гг.

5. *Беглов А.* В поисках «безгрешных какаомб»: Церковное подполье в СССР. М., 2008.

6. *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. М.: РОССПЭН, 2008.

7. Государственный архив Костромской области (далее - ГАКО). Ф. Р-1435, Оп. 2. Д. 57.

8. ГАКО. Ф. р-2102. Оп.5. Д.51.

9. ГАКО. Ф-2102. Оп.6. Д.330.

10. *Галкин А. К.* Архиепископ Алексей (Сергеев) на страницах журналов заседаний Священного Синода. / Указы и определения Московской Патриархии об архиереях с начала Великой Отечественной войны до Собора 1943 года // Вестник церковной истории. 2008. № 2. Прил. 4.

11. *Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ).* Ф. 5263. Оп. 2. Д. 2.

12. ГАРФ. Ф. р-6991. ОП.2.Д.12.

13. *Зонтиков Н. А.* "Памятники архитектуры Костромской области", Кострома. 1996.

14. *Константинов Д., прот.* Гонимая церковь. Русская Православная Церковь в СССР. М.: Ассоциация авторов и издателей, 1999.

15. *Мануил (Лемешевский В.В.), митр.* Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 г. (включительно). Erlangen, 1979–1989. Т. 5.

16. *Одинцов М.И.* «Вероисповедная политика советского государства в 1939-1958 гг. в сб. Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939-1958» (Дискуссионные аспекты). М., 2003.

17. *Прядкина О.А.* Взаимоотношения советского государства и Русской Православ-

ной Церкви в 1941-1954 гг. (на материалах областей Верхнего Поволжья). Автореферат. Диссертации... кандидата исторических наук. Кострома, 2004.

18. *Сазонов Д., прот.* Костромская Голгофа/ авт.- сост. прот. Дмитрий Сазонов. Кн.1.– изд. Перераб. и допол. Кострома, 2017.

19. Советская жизнь. 1945-1953/ Составители Е.Ю.Зубков, Л.П.Кошелева, Г.А.Кузнецова, А.И.Минюк, Л.А.Роговая - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003.

20. Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М.: Звонница-МГ, 2000.

21. *Федотов А. А.* Русская Православная Церковь 1943-2000 гг.: Внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России). Иваново, 2009.

22. *Федотов А. А.* Русская Православная Церковь в XX веке на Ивановской земле. Сборник документов и материалов/ автор-сост. А. А. Федотов. Иваново, 2010.

23. *Филиппов Б. А.* Очерки по истории России. XX век. М., 2012. С.465.

24. *Хлебников М.* Движение истинно-православных в Костромской губернии // Православная жизнь. 1997. № 5.

25. *Чумаченко Т.* Государство и Русская православная церковь в 1958–1964 годах: новая политическая война с религией, Церковью и верующими.// Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 19 (348).

26. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2000.

27. *Эдельштейн Г. свящ.* Право на правду. М.: 2016.

©Сазонов Д. И., протоиерей, 2023